

Живет в Нью-Йорке (США). Визитная карточка участника.

Осенняя пастораль

Опалённые камни фасадов. Дождём

Здесь не пахнет – из бара, открытого днём,
Как из погреба, тянет запрелой рогожей,
И никто подышать не выходит наружу,
Отразиться, хоть окна годами похожи,
В полдень встретить соседа и плюнуть в душу.

Тишина. Не обломится наглое «плиз»
От бродяги из местных; покато вниз,
Отделяясь от шкуры, змеёй к райцентру
Проползает дорога – и будто бы карту
Видишь с улицей имени Клары Цеткин
(Что-то вроде, но с тем же уклоном покатым).

На часах на часовне почти уже три.
Проводил до автобуса внучку старик,
На скамейку надолго присев, и автобус
С полчасика как не виден, но мудрый Хоттабыч
Всё глядит в пустоту, сомневаясь, что глобус
Так и будет вращаться, крутиться так бы.

И баранами стадо барашков вверху,
На бескрайней лазури, на свежем лугу
Разбрелись, продолжая привычно поститься,
А пастух смотрит вниз нестареющим старцем,
Наблюдая парящую жёлтую птицу,
И с полётом её всё не может расстаться.

Осенняя книга

Клён раскрытою книгой ещё продолжает листаться,
Но под ветром всё меньше страниц, остающихся в ней,
И всё реже теперь из знакомых тебе иллюстраций:
На закатном окне – золотистые гривы коней.

За неделей неделя – останется скоро обложка
С уходящим названием вглубь переплёта. И вот
На размокшей поверхности буквы найти уже сложно,
И они, остывая к утру, превращаются в лёд.

Осенняя кампания

- Капитан, разрешите проститься! Вы – лучший из всех,
Я немало в службе добился под вашим началом.
Пусть сопутствует вам неизменно военный успех

И в сраженьи большом, как обычно желают, и в малом.

Я слагаю свои полномочия. Завтра, к утру,
Покидаю наш полк. То, что дальше – не трудно представить.
Я надеялся, мой капитан, что иначе умру:
Вас прикрыв, и себя перед пулей в атаке подставив.

Я снимаю погоны, сдаю именной пистолет.
Я прожил по уставу и верен присяге и стягу.
Не сказать, что мы связаны неким количеством лет,
Но весну мы прошли, через лето ворвавшись в сентябрь.

Я, похоже, пришёлся теперь не совсем ко двору.
Капитан! Дело чести – покинуть наш полк без прощанья...

Первый лист, пожелтевший на ветке, сорвался к утру –
В глубину тишины. Без приказа: «На выход, с вещами!»
Он летел под зелёные взгляды – с деревьев вослед
Их ему посылали все бывшие однополчане.
Мир глядел немигающим глазом, что позже ослеп
От летального жёлтого, либо от белой печали.

